

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 908, 94(5)
DOI 10.46698/VNC.2023.96.86.001

Г.В. Чочиев

Повседневный быт и историческая память жителей осетинских сел округа Сарыкамыш по дневникам Сулеймана Казмаза 1940–1941 гг.

Георгий Витальевич Чочиев

Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН им. В.И. Абаева, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Россия, Владикавказ, georg-choch@yandex.ru

Аннотация. В публикации дневниковых записей турецкого этнографа-краеведа С. Казмаза представлено описание бытовых и социокультурных особенностей жителей четырех осетинских сел Сарыкамышского округа Карсского вилайета Турецкой Республики в начале 1940-х гг. Материал имеет определенную ценность в контексте осетинской истории и этнологии как исходящая из первых рук документальная фиксация характера повседневной жизни и состояния коллективной памяти указанного населения на этапе его полностью изолированного от «материнского» этноса существования.

Ключевые слова: сарыкамышские осетины, повседневная жизнь, коллективная историческая память, дневниковые записи, Сулейман Казмаз

Для цитирования: Чочиев Г.В. Повседневный быт и историческая память жителей осетинских сел округа Сарыкамыш по дневникам Сулеймана Казмаза 1940–1941 гг. // Вестник Владикавказского научного центра. 2023. Т. 23. № 3. С. 36–48.
DOI 10.46698/VNC.2023.96.86.001

Everyday Life and Historical Memory of the Inhabitants of the Ossetian Villages of the Sarikamis District according to the Diaries of Süleyman Kazmaz, 1940–1941

Georgy V. Chochiev

V.I. Abaev Centre for Scytho-Alanic Studies of VSC RAS, Senior Researcher, PhD, Russia, Vladikavkaz, georg-choch@yandex.ru

Abstract. The publication of the diary entries of the Turkish ethnographer and local historian S. Kazmaz describes the socio-cultural characteristics of the inhabitants of four Ossetian villages in the Sarikamis district of the Kars vilayet of the Republic of Turkey in the early 1940s. The material has a certain value in the context of Ossetian history and ethnology as a first-hand documentary fixation of the nature of everyday life and the state of the collective memory of the specified population at the stage of its completely isolated existence from the “maternal” ethnic group.

Keywords: Sarikamis Ossetians, everyday life, collective historical memory, diary entries, Süleyman Kazmaz

For citation: Chochiev G.V. Everyday Life and Historical Memory of the Inhabitants of the Ossetian Villages of the Sarikamis District according to the Diaries of Süleyman Kazmaz, 1940–1941 // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2023. Vol. 23. No 3. P. 36–48.
DOI 10.46698/VNC.2023.96.86.001

Представленный материал продолжает публикацию на русском языке фрагментов из дневниковых записей Сулеймана Казмаза [см.: 1] – турецкого этнографа-краеведа, который в 1940–1941 гг., проходя военную службу по мобилизации в качестве младшего офицера в округе Сарыкамыш северо-восточной турецкой провинции Карс, смог уделить значительную часть своего внеслужебного времени изучению и фиксации бытовых и культурных особенностей разноплеменного населения местных сел – турок, туркмен-карапапахов, курдов и потомков выходцев с Северного Кавказа. Четыре из более двадцати посещенных Казмазом населенных пунктов, а именно: Хамамлы, Верхний Сарыкамыш (Юкары-Сарыкамыш), Бозат и частично Алисофу, – являлись в указанный период осетинскими по составу своего населения: в первом преимущественно проживали дигорцы, в остальных

– иронцы [2, с. 42; 3, с. 126, 201]. В конце 1941 г. Казмаз прекратил вести свой сарыкамышский дневник, по-видимому в связи с завершением срока его службы в этом районе. В 1995 г., однако, одно из академических издательств Турции посчитало нужным опубликовать авторскую рукопись в виде книги под названием «Сельские прогулки в Сарыкамыше» [4] как не лишенное ценности документальное свидетельство характера повседневного быта и состояния коллективной исторической памяти жителей указанного округа на соответствующем временном отрезке. На наш взгляд, посвященная названным селам часть записок, приводимая ниже с незначительными сокращениями, представляет интерес в контексте истории и этнологии не только населения северо-восточной Анатолии, но также и осетинского народа, поскольку содержит исходящие из первых рук уникальные

(хоть и отрывочные и поверхностные) сведения о положении местной осетинской общины на этапе ее полностью изолированного от «материнского» этноса существования.

Хотя Казмаза трудно упрекнуть в пристрастном освещении действительности, очевидно, что он воспринимал ее сквозь призму господствовавшей в современной ему Турции идеологии ортодоксального кемализма, произвольно и весьма жестко отождествлявшей гражданство с этничностью и в силу этого рассматривавшей все население страны в качестве турок [5, с. 121–124]. Вероятно, этим объясняется тот факт, что автор предпочитает не вдаваться в вопросы этноязыковой принадлежности жителей описываемых им сел, не сообщая, например, на каком языке / языках они общались друг с другом. Впрочем, не исключено, что сельчане сознательно избегали пользоваться родным языком в присутствии чужака-турка, не желая быть уличенными в несоблюдении предписаний официальной национальной доктрины. Скорее всего, по этой же причине (но также, несомненно, и вследствие «размытости» этнонационального самосознания) они говорят не об Осетии, а о Кавказе как регионе своего происхождения.

Текст Казмаза включает в себя, с одной стороны, его собственные наблюдения за повседневным жизненным укладом сел, а с другой – устные сообщения / повествования местных жителей, полученные в ходе неформальных, порой случайных, бесед с ними и записанные с сохранением оригинального безыскусного стиля и слога. Все информанты, представляемые автором только по именам либо оставляемые анонимными, являются мужчинами, как правило среднего или старшего возраста, хотя и различного социального и материального положения. Содержательно сообщаемая собеседниками Казмаза информация группируется вокруг трех тем: 1) воспоминания об историческом прошлом общины, 2) рутинные хозяйственные занятия и заботы сельчан, 3) групповые социокультурные особенности и их трансформация / деформация.

Многие упоминаемые в дневниках события и реалии могут быть лучше поняты с учетом перипетий непростого исторического пути, пройденного сарыкамышскими осетинами на протяжении предшествовавшего их посещению Казмазом периода.

Поселение в карсско-сарыкамышском регионе осетин, предположительно в количестве 3–5 тыс. чел., произошло в конце 1850-х – начале 1860-х гг. в рамках более широкого процесса исхода горцев Северного Кавказа в Османскую империю – т. н. мухаджирства. Как правило, поселения осетинских мухаджиров создавались в покинутых армянами и греками селах либо в не имевших постоянного населения местах. Поощрявшие эту колонизацию турецкие власти рассчитывали тем самым увеличить численность лояльного мусульманского элемента в этой открытой для потенциального российско-

го вторжения части страны и освоить имевшиеся здесь некультивируемые площади [6, с. 52–53; 7]. По этим планам, однако, был нанесен удар в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в результате которой регион был оккупирован русскими войсками, а затем по решению Берлинского конгресса 1878 г. включен в состав Российской империи. Большинство осетин предпочло покинуть российскую Карсскую область и мигрировать в глубь османских владений, в основном в провинции Муш, Ван и Битлис. Остальные же, численностью около 500 чел. [8, с. 36–37; 9, с. 34–35], продолжали жить в Сарыкамыше в качестве не вполне лояльного властям элемента местного мусульманского населения. Довольно натянутый характер приобрели в этот период их отношения с армянами и греками, пользовавшимися покровительством российской администрации. В годы Первой мировой войны, когда район Сарыкамыш стал ареной жестоких сражений между российской и османской армиями, значительная часть оставшихся здесь осетин переместилась в Осетию. Хотя Карсская область была в соответствии с Брест-Литовским договором 1918 г. возвращена Османской империи, в течение трех следующих лет регион оставался объектом острого военного и дипломатического соперничества между Турцией (сперва османской, а затем кемалистской) и поддерживаемой странами Антанты дашнакской Арменией, сопровождавшегося массовым кровопролитием среди мирного населения. Лишь советско-турецкие (Московский и Карсский) договоры 1921 г. окончательно закрепили принадлежность этой территории турецкому государству. Вскоре после этого немалая часть осетин, мигрировавших ранее в другие части Турции, начала переселяться с санкции властей в места своего прежнего расселения в Сарыкамыше. В конце 1922 г. сюда возвратились и осетины, перебравшиеся на этническую родину [6, с. 52–54; 10, с. 303–306].

В последующие десятилетия осетинская община в Сарыкамыше насчитывала несколько тысяч человек и являлась самой значительной в Турции. Однако в течение последней четверти XX в. осетинское население практически полностью мигрировало отсюда в крупные города страны – Стамбул, Анкару, Бурсу, Измир и др. Описанные же в дневнике Казмаза села были заселены представителями местных этнических групп.

Село Верхний Сарыкамыш, 13 октября 1940 г. [4, с. 22–23]

Верхний или Старый Сарыкамыш фактически представляет собой окраинный квартал городка Сарыкамыш, примыкающий к его железнодорожной станции. Сегодня я совершил прогулку в этом направлении и посетил дом местного старосты.

Изнутри дом столь же благоустроен и опрятен, как и снаружи. Пол хоть и земляной, но тщательно вычищен. Первая комната представляет

собой гостиную. На противоположной от входа стене обращает на себя внимание большой ковер, под которым находится длинная софа с ручками, а перед ней – покрытый скатертью стол. С обеих сторон софы – подставки-треножки для сигарет с разложенными на них пепельницами. По краям – кровати, также предназначенные для сидения. Кровати покрыты одеялами и кусками красивой ткани. Напротив – белые постели под вышитыми покрывалами. Стены украшены вставленными в рамки портретами красивых женщин с обложек еженедельника «Едигюн» и другими фотографиями. Между двумя окнами находятся еще один стол, два зеркала – большое и маленькое, два подсвечника, различные безделушки, картины и вышивное покрывало. Пол устлан коврами.

Я сел у окна, из которого видны двор и входная дверь дома. Какая-то девушка то стоит в дверях, то входит и выходит.

В комнате, кроме меня, находятся староста и его младший брат. Завязывается беседа. Староста рассказывает о годах переселения:

– Наши предки переселились сюда с Кавказа до войны 93 года¹. Мы тех событий не помним. Затем они перебрались отсюда в Битлис², где жили земледельцем. Пообещав предоставить нам землю, власти позвали нас обратно. Наш отец, умирая, завещал нам вернуться в Верхний Сарыкамыш. Выполнив его волю, мы переехали сюда, хотя сами никогда раньше здесь не жили. Построили дом. В селе сейчас 38 дворов. Но своей земли у нас все еще нет. Власти предлагают ее в аренду по 1800 лир в год. Вот так и ждем. Когда мы прибыли сюда, у нас имелись деньги. Но мы их потратили. Мы все покупаем на рынке. На здешней земле не растет хлеб; всходы замерзают, не успев созреть. В Алисофу и Хамамлы второй год удается снять урожай. Народ живет в основном за счет частного извоза на телегах.

Мы переходим к другим темам. Брачные отношения имеют ряд заслуживающих внимания особенностей. По словам брата старосты, браки очень поздние. Сам он родился в 1901 году, однако женился лишь два года назад в возрасте 37 лет. До этого в течение двух лет он был обручен. Ему пришлось заплатить калым в размере 150 лир и, кроме того, послать подарки.

Они жалуются на слишком большой размер калыма. Но что делать? Иначе девушки не согласны выходить замуж. Только если сама девушка влюбится, тогда другое дело. Отец не может выдать

дочь замуж без ее согласия, это обязательное условие. Калым полностью тратится на девушку.

Свадьбы очень красивы и длятся целую неделю. Девушки и юноши становятся друг против друга и танцуют. Музыкальным инструментом служит гармоника.

Староста, оказывается, очень хороший танцор, и, когда где-либо в округе бывает свадьба, за ним специально присылают нескольких всадников, чтобы забрать на торжество.

Девушки не избегают мужчин. Однако если девушка узнает, что какой-то юноша задумал жениться на ней, она старается не попадаться ему на глаза.

В саду имеются ульи. Староста занимается пчеловодством. Раньше использовали так называемые «слепые» ульи, однако они не дали хорошего результата, и впоследствии стали пользоваться технически усовершенствованными ульями. В год собирают два батмана³ меда.

В это время к дому подъехали две крытые телеги. Брат старосты пояснил:

– Это наши знакомые привезли нам муку. Они возят ее в город на продажу.

Вместе с братьями жила их 110-летняя совершенно слепая бабушка.

Наша беседа продлилась до позднего вечера.

Село Верхний Сарыкамыш, другой день октября 1940 г. [4, с. 23–27]

Я вновь отправился в Верхний Сарыкамыш. На сей раз я заглянул в дом дяди Ильяса и долго с ним беседовал.

Сперва дядя Ильяс рассказал о себе. Когда русские захватили Кавказ, его предки сказали: «Мы не можем жить под властью неверных», – и переселились в Каракилисе⁴. Это было до 93 года. В 93 году русские вошли и в Каракилисе, и была установлена новая граница⁵. Тогда предки дяди Ильяса вновь сказали: «Мы не можем оставаться в руках неверных», – и немедленно покинули те места. Если бы они остались там еще хотя бы два года, они смогли бы продать свои земли и получить деньги. Но они не подождали и переселились в Хыныс⁶, где оставались в течение некоторого времени. Затем они ушли из Хыныса, но долго не могли найти себе постоянного места жительства и пустить где-либо корни. После же того, как правительством [Турецкой Республики] было объявлено, что беженцам 93 года будут возвращены их прежние земли,

¹ Имеется в виду 1293 год османского румийского (финансового) календаря, соответствующий 1877 г. григорианского календаря. Под «войной 93 года» понимается неудачная для Стамбула русско-турецкая война 1877–1878 гг., которая в коллективной памяти населения страны долгое время выполняла роль «вехи», делившей историю поздней Османской империи на до- и послевоенный периоды.

² Битлис – провинция на востоке Турции.

³ Батман – старинная восточная мера веса, сильно варьирующая в размерах в зависимости от страны и региона, но в Турции чаще всего составлявшая около 8 кг.

⁴ Каракилисе – ныне город Агры в Турции близ границ с Ираном и Арменией.

⁵ Речь идет о присоединении провинций Карс, Ардаган и Батум к Российской империи в соответствии с Берлинским трактатом 1878 г..

⁶ Хыныс – городок и одноименный округ в провинции Эрзурум на востоке Турции.

они, выполняя волю, завещанную старшими, прибыли в Сарыкамыш. Некоторое время прожили в Алисофу. Большинство родственников дяди Ильеса перебралось затем в Бозат. Сам он несколько лет занимался земледелием в Алисофу. Одно время даже пробовал стать подрядчиком, но не добился успеха и вернулся к земледелию, однако и в этом занятии удача ему не сопутствовала. Сам он так сказал по этому поводу:

– Мы не можем быть хорошими земледельцами. Мы давно не работали, держали наемных работников-армян. Нашими занятиями были овцеводство и торговля. Поскольку Верхний Сарыкамыш находится близко к городу, там всегда была развита торговля. Можно было заниматься заготовкой и продажей сена, дров. Поэтому в 1924 году наши переселились в Верхний Сарыкамыш. К тому же в Алисофу они не смогли ужиться с поселившимися там после нас ереванскими переселенцами⁷. Кроме того, в Алисофу не было школы. А в Верхнем Сарыкамыше дети имели возможность учиться...

Затем дядя Ильяс рассказал о том, каким был Сарыкамыш в период русской оккупации. Рынок он увидел, когда впервые приехал сюда по торговым делам в 1909 году. Западные павильоны тогда уже были построены, но восточных еще не было. Лавки были маленькие. Все лавочники – армяне, среди них не было ни одного русского. Имелись небольшие кофейни и гостиницы. Хозяевами гостиниц также были армяне. Дядя Ильяс привозил товар в Сарыкамыш, но ночевать отправлялся в Бозат или Верхний Сарыкамыш. Русские офицеры не спустились в город; они жили вместе с семьями там, где сейчас находится средняя школа.

Разговор снова заходит о земле. До сих пор они ее не получили. Дома у них лежат свидетельства о владении землей, но сама она находится в других руках. Они потратили много усилий, но никакого результата не добились. Младший брат дяди Ильеса Хамид собрался было поехать в Анкару, но началась война, мир, по их выражению, перемешался, и поездку пришлось отменить. Они надеются, что, когда все успокоится, им все же удастся добиться восстановления справедливости. «Мы устали давать взятки», – говорят они и добавляют: «Не знаем, что будет с нами».

До сих пор они не смогли построить дом. Живут в доме, который снимают за 25 лир. Он принадлежит какой-то женщине, мужа которой убили, а сама она не смогла больше здесь оставаться и переехала в Алисофу...

Другая большая проблема дяди Ильеса заключается в том, что все трое его сыновей, старшему из которых уже 30, все еще не обзавелись семьями. Из-за того, что старший не женится, не могут вступить в брак и младшие братья. Старшему же пока не приглянулась ни одна из тех девушек, ко-

торым нравится он, а те, которые нравятся ему, не соглашаются выйти замуж за него.

Важна и материальная сторона брака. Невеста обходится в 250–300 лир. Необходимо заплатить калым, который отец девушки потратит на нее...

Дядя Ильяс огорчен своим состоянием, старостью. Об этом он сказал так:

– Недавно я встретил вас, но домой не пригласил. Потом я сказал Хамиду: «Смотри, какими глупцами мы стали! Правительство правильно поступает, что отправляет стариков на пенсию. Оказывается, человек с возрастом дурнеет. Вот и я так».

Дядя Ильяс жалуется и на то, что реже стали приходиться гости:

– Раньше гостей бывало много. Сейчас не с кем посидеть, поговорить. По вечерам все время остаемся одни. Когда в дом приходит гость, душа человека радуется. Когда я был маленьким, я не помню случая, чтобы мой отец заглянул во внутреннюю часть дома. Все свое время он проводил в кунацкой вместе с гостями, что-то рассказывал, смеялся, развлекался. Утром он уходил в кунацкую и лишь к вечеру возвращался в дом. Теперь такого нет.

Неожиданное мнение высказал дядя Ильяс о деньгах:

– Я не знал, что народ стал так богат. Раньше денег было мало. Люди редко покупали какие-либо вещи. Теперь все при деньгах, но никто не доволен своим положением.

Хамид дал этому свое объяснение:

– Большая война⁸ отучила людей радоваться. Четыре года народ испытывал тяжелые лишения и никак не может их забыть. До войны наши свадьбы длились неделю. После же войны они потеряли свою прелесть. В те времена молодежь постоянно ходила со свадьбы на свадьбу – хоть сам не женись! Но после войны положение изменилось. Сейчас все остается по-прежнему. Размеры калыма очень велики. Однажды это вошло в обычай, и, хотя все недовольны, ничего с этим невозможно сделать.

Дядя Ильяс жалуется на высокие налоги, но правительством доволен:

– Да благословит Аллах правительство, оно работает очень хорошо. Сегодня в мире никто не живет так спокойно, как мы. Жаль, что пока не удастся обнаружить газ. Но и на том спасибо. Не получится – зажжем лучины и будем жить.

Главная беда дяди Ильеса заключалась в безденежье. В прежние времена он поставлял в Батум коров, в Сивас – бычков, в Дамаск – овец, занимался торговлей. По этой причине у него имелось на руках немало русской наличности. Однако когда произошла коммунистическая революция и царские деньги были изъяты из обращения, дядя Ильяс эмг лишился всего своего состояния. Сейчас у него оставалось большое количество старых русских денег, потерявших всякую ценность. Он их

⁷ Имеются в виду тюркоязычные мусульманские группы (карапахи и др.), переселившиеся в начале 1920-х гг. из Армении в Турцию.

⁸ Первая мировая война.

хранил просто так, даря на память гостям по одной ассигнации.

Как на свидетельство переживаемых им трудных времен он указал на свой рваный полушубок, сообщив, что домашние осуждали его за то, что он решил выйти в нем навстречу гостям. По их настоянию он надел поверх полушубка новое длинное пальто.

За обедом он произнес:

– Конечно, любой, кто посмотрит на меня старика, захочет отпихнуть в сторону.

Хамид каждое свое обращение к дяде Ильясу начинал со слова «агабей»⁹. Всякий раз, когда дядя Ильяс входил в комнату, Хамид почтительно вставал на ноги и регулярно подливал ему в стакан чая.

Село Верхний Сарыкамыш, 18 мая 1941 г. [4, с. 28]

Сегодня я вновь нанес визит старосте села Верхний Сарыкамыш. Во время беседы он опять вспомнил о прежних временах:

– Наши предки в 1273 году прибыли в Стамбул, а оттуда перебрались сюда. Часть их переселилась в 1277 году¹⁰. Султан настаивал, чтобы они остались в Стамбуле, обещал предоставить им земли, дать образование их сыновьям, только бы они остались там. Но наши предки не согласились, не остались в Стамбуле. Они обошли все уголки страны и, наконец, решили обосноваться в Сарыкамыше, потому что похоже на Сарыкамыш места были на Кавказе. Здесь, как и там, было много лесов, как и там, можно было разводить скот. Когда наши прибыли сюда, на месте нынешнего городка Сарыкамыш было село Нижний Сарыкамыш, а здесь, как и сейчас, – Верхний Сарыкамыш. Тогда здесь жил род, который сейчас возглавляет 120-летний Емо. Сейчас они живут в селе Зек. Наши поделили с ними эти места¹¹. Тогда наши были очень богаты. По рассказам, они привезли с собой целый сундук с деньгами. В 93 году русские захватили эти земли, и наши переселились в районы Муша и Вана¹². Когда же эти края вновь стали турецкими, нам телеграммой сообщили, что переселенцам 93 года возвращают их прежние земли. Мы вернулись, но землю получить не можем.

Я вспомнил, как некоторое время назад побывал в этом селе с группой сослуживцев. Тогда на большинстве из нас была военная форма. Сельчане обступили нас и стали рассказывать о своих земельных мытарствах. В следующий наш визит староста подошел к нам и объяснил, что они приняли нас за членов земельной комиссии и только

потому решили побеспокоить разговором о своих трудностях.

Село Хамамлы, 1 июня 1941 г. [4, с. 29–31]

Из Сарыкамыша мы вышли в путь в 13.25 и к 16.00 добрались до Хамамлы.

Поздоровавшись с группой людей, мы спросили их, где находится дом старосты. Один из сельчан знаком головы указал нужное направление. Мы продолжили наш путь, а они – свою работу.

Дома в селе одноэтажные с земляными крышами. Причина в отсутствии древесины. Раньше здесь сооружали покатые кровли, землю не использовали. Но с тех пор, как лесоматериалы стали дефицитом, были вынуждены начать применять землю. Для сооружения деревянной кровли требуются доски и другие материалы. Полы и потолки также должны быть дощатыми. Между тем ничего этого нет. Однако они не теряют надежду: Бог даст, в будущем мир успокоится и все наладится...

Внимание привлекли по-городскому и со вкусом одетые женщины, занимавшиеся рукоделием у дверей дома. Еще несколько женщин сидели на балконе, также занимаясь рукоделием и переговариваясь друг с другом. Ближе к нам что-то увлеченно обсуждала группа мужчин.

Мы подошли к старосте и поздоровались. Некоторое время постояли снаружи. Затем он пригласил нас в дом. Начали говорить о селе, о Кавказе, о переселениях.

В селе 20 дворов и 200 жителей. Задолго до войны 93 года их предки прибыли через Батум морем в Трабзон. Поскольку им была предоставлена возможность выбрать себе места для поселения, многие отправились в другие области. 48-летний староста говорит об этом:

– Сейчас немало нашего народа проживает в разных краях.

Часть их прибыла в Хамамлы¹³. Староста объясняет выбор этого места следующим образом:

– Здесь рядом проезжая дорога. Вот они сразу же и решили здесь поселиться.

Во время войны 93 года часть жителей ушла отсюда, часть осталась. Затем началась русская оккупация. Староста делится своими воспоминаниями об этом периоде:

– Русские у нас рекрутов не брали. Один раз они попробовали это сделать, но мы отказались, сказав им: «Дайте нам возможность уйти в Турцию». Зато с каждого двора мы платили налог в размере 1 рубля.

⁹ Агабей – по-турецки «старший брат», уважительная форма обращения к старшим по возрасту, положению и т. д.

¹⁰ Имеются в виду годы исламского лунного календаря – хиджры. 1273 г. хиджры приходится на 1856/57, а 1277 – на 1860/61 г. григорианского календаря.

¹¹ Староста рассказывает о поныне сохраняющемся в исторической памяти потомков сарыкамышских осетин эпизоде – выкупе их предками земли для поселения у курдского полукочевого клана.

¹² Муш, Ван – провинции на востоке Турции.

¹³ В одном из документов государственного архива Турции сообщается о направлении властями для поселения на «равнину Хамамлы» около 400 семейств «дигорского племени» осенью 1861 г. [6, с. 52].

С окружающим населением они находились в состоянии постоянной борьбы:

– Спокойно мы тут не сидели. В Алисофу тогда жили греки. Мы угоняли их скот, убивали людей. В Сарыкамыше было много армян. Они постоянно жаловались на нас русским, убеждая их в том, что мы турецкие шпионы.

По доносам русские сослали их вместе с семьями на Кавказ, где все они были встречены родственниками. На Кавказе никакие греки и армяне не могли причинить вреда мусульманам. Однако после коммунистической революции русские травнили друг на друга бедные и богатые мусульманские села и втянули их в междоусобную борьбу. Затем, пользуясь этим, русские разоружили их, многих убили и таким способом лишили возможности сопротивляться. После революции они вернулись на родину.

Староста так описал сегодняшнее положение села:

– Мы в большей степени пострадали от переселений, чем Бозат, потому что мы переселялись дважды. С Кавказа мы ничего с собой не привезли. Если бы с самого начала мы поселились во внутренних районах страны, было бы гораздо лучше. Но, однажды обосновавшись здесь, так никуда больше и не перебрались. Мы испытываем большие трудности. Во всем селе всего 200 голов мелкого рогатого скота. Да и они растут медленно. Лучшее всего здесь произрастают пшеница и ячмень. Есть семьи, которые засевают от 30 до 100 тенек¹⁴ семян. Пшеницы собираем лишь столько, чтобы обеспечить самих себя, для продажи ее не остается. За пределы села продаем только сено, солому и излишки масла. Сеем также лук и картофель.

Ростки недавно высаженного рядом с селом лука успели подняться лишь на несколько сантиметров. Пшеничные поля протянулись на расстояние получаса ходьбы от села; всходы подросли уже примерно на 10 сантиметров.

Староста сообщил, что поля вспахиваются еще летом и тем самым производится подготовка к севу следующего года.

Мы перешли к теме лесного хозяйства. Раньше село жило за счет эксплуатации окрестных лесов. Теперь этот путь закрыт. Рубкой леса с целью заготовки и продажи дров могут заниматься только те, кто получил специальное разрешение.

Поговорили мы и о коневодстве. Раньше в селе имелось 20 племенных лошадей, дававших потомство. Зимой они бродили за селом, разгребая снег и добывая себе из-под него траву. Сейчас ни одной не осталось.

Разговор зашел о проблемах образования. Староста отметил:

– Среди наших детей нет не посещающих школы. В Сарыкамыше они живут в домах родственников. Своих я пристроил в дом сестры. Жена часто навещает их, чтобы приготовить еду.

Говорим о культурных делах. Поэтов-ашуг¹⁵ здесь не бывает. Нет и таких музыкальных инструментов, как давул и зурна¹⁶; известна лишь гармоника, звуку которой подпевают голосом.

Когда мы говорили о минувших временах, на лице старосты отражалась тоска по Кавказу, по тем местам, которые им пришлось покинуть.

– Мы должны вернуть те земли, – сказал он.

После долгой теплой беседы мы в 17.20 покинули село... В 20.10 мы были уже в казарме.

Село Бозат, 8 июня 1941 г. [4, с. 32–37]

Сегодня я отправился в Бозат...

Нужного мне человека в селе застать не удалось, так как он уехал куда-то по делам. Пока я его разыскивал, познакомился с пожилым жителем села. Мы быстро нашли общий язык, и он поделился со мной своими воспоминаниями:

– В 93 году мне было 15 лет. В те времена наши предки прибыли с Кавказа в Стамбул. Там им сказали, что дадут им те земли, которые они себе выберут. В конце концов им понравились эти места. Не пойму, правда, что им здесь понравилось.

Ему вспомнились и прежние дни борьбы:

– От армян мы много претерпели. Четырех человек из нашего села они убили. Когда в 1918 году русские повторно заняли эти места, наши не ушли отсюда, остались здесь. Многое мы пережили, но сейчас уже всего не вспомнишь...

Я подошел к стоявшей перед школой группе людей. Кроме старосты, здесь собрались и оживленно беседовали бозатцы разного возраста. По их словам, в селе раньше было 42 двора. Однако часть жителей стала офицерами, часть – служащими, они уехали и больше не вернулись. Их дома по этой причине пришли в негодность. Многие из них были специально разобраны, а доски проданы на дрова. Сегодня в селе осталось 30 дворов.

Большинство домов имеет земляную крышу. Можно сделать кровлю и из досок или железа, но эти материалы дефицитны и дороги. Земляная крыша не защищает от холода, не выдерживает дождя, пропускает воду.

Почти у каждого дома имеются туалет и земельный участок. На некоторых участках посажены ивовые деревья. На некоторых участках растут лук и прочие овощи. В восточной и северной частях села виднеются луга с пасущимся скотом. Засеянные площади крайне ограничены.

При домах имеются летние и зимние хлева.

¹⁴ Тенек – жестяной бидон или бак объемом около 20 литров.

¹⁵ Ашуг (ашык) – народный поэт-певец и сказитель у азербайджанцев, армян, грузин. Культурная традиция ашугства распространена также на северо-востоке Турции.

¹⁶ Турецкие народные музыкальные инструменты: давул – большой барабан, зурна – деревянный духовой инструмент.

Летние защищены только от западного ветра, остальные стороны у них открыты.

Леса используются. Однако в находящемся напротив села лесу больших деревьев уже нет, остались только маленькие.

В селе деревья растут с большим трудом: из-за холодных и долгих зим большинство саженцев замерзает. Другим их врагом являются козы, которые поедают даже розовые ветки. Удалось вырастить лишь несколько ив. Других деревьев в селе нет.

На близлежащих полях сеют ячмень и пшеницу. Собранного урожая зерна сельчанам хватает только для собственного пропитания, никаких излишков вырастить не удается. Каждый участок находится под паром два года. Унаваживаются только самые ближние поля, остальные остаются без удобрений...

Как объяснил староста, время летних работ в селе еще не наступило. Через несколько дней начнется подготовка полей, которые предстоит засеять в будущем году.

По настоянию старосты мы отправились к нему домой. Сперва поговорили об окрестных местах. Напротив села возвышались вершины Большого и Малого Зияретов и отходящее от них плато, используемое как летнее пастбище. На его обращенных в сторону села склонах виднелись островки сосновых рожиц. Все деревья, однако, очень молодые и по этой причине не могут быть использованы ни в качестве дров, ни в качестве строительного материала. По сравнению с прежними временами занимаемая рожицами площадь не уменьшилась, но густота деревьев стала значительно меньше.

Затем староста перешел к рассказу о прошлом:

— Когда русские захватили Кавказ, наши предки решили переселиться сюда, потому что на Кавказе исламская вера оказалась в опасности. Они прибыли в Стамбул. Там им было сказано, что они могут поселиться в любом месте, независимо от того, умеет ли там население или нет. Объехав всю страну, они остановили свой выбор на этих местах и поселились здесь. Несмотря на то, что им предлагались и лучшие места, наши не согласились. Мы до сих пор не можем понять, что им здесь понравилось. Возможно, это и неплохое края, но зимы уж очень суровы, холода бывают невыносимые.

Далее он коснулся горьких дней оккупации:

— Когда в 93 году сюда пришли русские, часть наших людей переселилась отсюда, а оставшиеся жители других [осетинских] сел собрались здесь. После 1918 года, когда русские вновь заняли эти места, никто из наших не ушел отсюда вместе с турками, потому что стояла зима, урожай был собран и крестьяне не могли забрать с собой сде-

ланные запасы зерна и другого продовольствия. Они остались здесь и претерпели много зла от армян. Армяне приходили сюда грабить. Невозможно было пасти скот за пределами села, так как он непременно был бы похищен. В одной из стычек погибли четыре наших односельчанина. Потом из Хамамлы сюда прибыла находившаяся там сотня турецких солдат, и армяне здесь больше не появлялись. Солдаты сказали, что армяне воевали против нашего села по всем правилам военного искусства.

Староста вспомнил такой эпизод времен русской оккупации:

— При русской власти в селах имелись школы. В них обычно был один русский учитель и один мусульманский ходжа¹⁷, который вел уроки религии. Однажды к нам приехал русский инспектор и велел детям что-нибудь написать по-русски. Потом он велел им написать что-нибудь по-турецки, но никто не сумел этого сделать. В конце концов инспектору объяснили, что и сам ходжа не владеет письмом, он лишь заставлял детей читать Коран, но не учит писать. На это инспектор ответил: «Вы должны обучать детей турецкому языку в той же мере, что и русскому. Что станет с ними завтра, если эти земли вновь перейдут к Турции?»

Староста считает, что обучения детей лишь чтению и письму было недостаточно, следовало давать им более основательные знания:

— Но что от этого толку, если у нас не было никакой перспективы, если мы не могли продолжить учебу в других местах? Мы были обречены всю жизнь провести здесь. Если бы после 93 года мы тоже перебрались в Турцию¹⁸, сейчас мы не были бы так обескровлены, занимались бы каким-нибудь делом и лучше обеспечивали себя. Какую бы заботу враг ни проявлял о вас, важные дела он всегда будет держать в своем ведении и никогда не доверит их вам.

Мы перешли к хозяйственным вопросам.

В селе почти все имеют свои поля и обрабатывают их. Лишь 10 дворов очень бедны и не могут обеспечивать себя средствами к существованию. Ввиду отсутствия у них волов они батрачат на других, но достаточного усердия в работе не проявляют. Иначе, возможно, и сумели бы приобрести собственную землю.

В селе есть семьи, которые сеют до 100 тонне семян зерновых. Урожай собирают в лучшем случае в пропорции 3 к 1.

Численность овец в селе составляет около 300 голов. Раньше, однако, основной доход села от животноводства обеспечивало разведение лошадей, которых выращивали на продажу. Если человек в год вырастит и продаст двух лошадей, он получит за них 160–200 лир. Этого ему вполне хватает на жизнь. Но из-за распространившегося конокрадства от этого занятия приходится отказываться.

¹⁷ Ходжа – духовное лицо, обычно получившее образование в медресе; также наставник, учитель.

¹⁸ То есть на оставшуюся под контролем Стамбула территорию.

ся. Сельчане выпускают лошадей на горные пастбища, откуда их похищают. И невозможно найти воров. Обращаются в суд, но там обязательно нужны свидетели.

Староста так говорит об этой проблеме:

– В одном из сел есть воры, которых все знают. Но их никто не трогает, и они продолжают красть. Из-за этого люди потеряли интерес к коневодству. Да и разведением крупного и мелкого рогатого скота занимаются без прежнего желания. Ни у кого нет настроения.

Заговорили об обычаях:

– У нас старшие пользуются большим уважением. В прежние времена в случае, если между двумя людьми происходила ссора, они обращались не в суд, не к правительству, а к старикам. Те, выслушав каждую сторону, определяли, кто прав, кто виноват. С решением стариков все соглашались. Теперь этого нет. Если кто-либо из стариков попробует вмешаться в чьи-то дела, на него самого тут же пожалуются в суд. Однако все же уважение к старшим сохраняется. Двое ссорящихся молодых людей, увидев пожилого человека, тут же расходятся. Но постепенно и это исчезает. Когда уйдут из жизни наши нынешние старики, занять их место будет некому.

Когда мы говорили об уважении к старшим, мне вспомнился увиденный сегодня эпизод. Вместе со старостой мы шли по селу и встретили какого-то старика. Староста не вынул рук из карманов и не выказал никаких знаков уважения старику. Между тем в Верхнем Сарыкамыше, когда дядя Ильяс входил в комнату, его младший брат Хамид немедленно вставал на ноги и в его присутствии очень мало разговаривал.

Мы перешли к обычаям, связанным с заключением брака.

Похищение невесты, как правило, происходит из-за отказа отца девушки выдать ее замуж за сватающегося к ней парня, но не из-за проблемы калыма. Начиная с мировой войны размер калыма составляет 150 лир. Эти деньги в любом случае должны быть выплачены. Даже в случае похищения старики по прошествии какого-то времени примиряют стороны. Отец получает 150 лир, тратит их на дочь и, сыграв еще раз свадьбу, отдает девушку в дом жениха.

Как пережиток прежних времен сохраняется разделение на «господ» и «рабов», заключение браков между которыми раньше было невозможно. Однако в Бозате это исчезает, и браки между представителями этих групп не являются редкостью. Тем не менее в некоторых селах такое разделение все еще существует.

Иначе обстоит дело с браками между родствен-

никами. Подобные браки не допускаются, причем учитывается родство до четвертого поколения. Обычай не просто запрещает родственные браки, но устанавливает суровое наказание за нарушение этого запрета. Примерно 50 лет назад парня и девушку, которые, будучи родственниками, вступили в брак, бросили в колодец и засыпали сверху камнями и землей. Уже при республике¹⁹ властям было подано заявление с просьбой об отмене этого обычая. Однако на него последовал ответ, в котором указывалось, что закон не вмешивается в обычай. После этого имел место случай, когда поженились парень и девушка, доведившиеся друг другу двоюродными братом и сестрой, но они покинули село и поселились в Каракурте²⁰. С тех пор они ни разу не появлялись в Бозате, так же как и их не посещал никто из бывших односельчан.

– Мы сожалеем об этом разрыве, – продолжил староста, – но что делать? Так повелось и так продолжается. Сейчас в селе проживают различные роды, представители которых не могут вступать друг с другом в брак. Но когда уйдут старики, исчезнут и эти обычаи, потому что молодежь желает их отмены²¹.

Поговорив на различные темы, мы коснулись и правительства. Староста сказал:

– Нынешнее правительство так хорошо руководит страной, что я думаю, что, если бы такое положение у нас было и раньше, во времена войны с русскими, то не то что Россия, но даже несколько таких государств, как она, ничего не смогли бы с нами сделать. Но тогда все было по-другому.

За это время староста угостил меня обедом, состоявшим из яиц с рубленным мясом, простокваши и сыра. Хлеб домашней выпечки, хоть и из муки третьего сорта, был очень вкусным.

Наша беседа продолжалась с 13.20 до 15.00.

В 15.10 мы вышли из дома. На пустыре весело играла в мяч группа молодежи, среди которой было немало солдат. Через село пролегла широкая улица, удобная для проезда автомашин. Зимой, однако, на этой и других улицах села бывают такие метели, что ничего невозможно разглядеть на расстоянии двух шагов.

Староста проводил меня до самой околицы...

Село Бозат,

24 августа 1941 г. [4, с. 267–270]

...Мы прибыли в Бозат. Село выглядит довольно пустынным. Девушка, одетая в белую блузку, коричневый жакет и юбку, стоит в дверях дома. У нее черные глаза и пухлые щеки. Несколько молодых людей разгружают перед домом телегу.

Время полслеполуденное.

¹⁹ Турецкая Республика провозглашена 29 октября 1923 года.

²⁰ Каракурт – турецкое село в округе Сарыкамыш.

²¹ Основная причина стремления значительной части жителей осетинских сел Сарыкамыша к снятию традиционных запретов как на межсословные, так и на внутрисословные браки заключалась в затрудненности нахождения брачных партнеров в пределах собственной этнической группы в условиях ее малочисленности в Турции.

Рядом с кладбищем кто-то продает груши и томаты, привезенные из Кагызмана²². Сидящий на траве местный житель объясняет нам:

– Здесь не растут фрукты и овощи, только пшеница.

Затем он переходит к рассказу о прошлом:

– Когда в 1277 году²³ наши деды прибыли в Турцию, им предложили поселиться там, где они пожелают. Они обошли всю Турцию и в конце концов нашли эти места. Стояло лето. Здешние края были похожи на Кавказ: прохладный воздух, холодные реки. Тогда здесь все было покрыто лесом. В горах водились туры, на которых можно было охотиться. Сейчас туров не осталось, но зайцев много.

В душе бозатца живет тоска по Кавказу:

– Если бы была возможность, мы бы отправились на Кавказ. Там такой воздух! Кожа у людей мягкая и белая, как вата. Лица румяные, словно на красное сверху наложили белую бумагу. А какая красивая природа!...

От нашего собеседника мы узнали, что сегодня в селе малоллюдно, так как значительная часть его жителей отправилась к зиярету²⁴...

По приглашению Арслан-бея отправляемся к нему домой. Он собирался предложить нам чай и кофе, но в доме не оказалось сахара. Послал козото из домашних на рынок, но и там сахара не нашли. Из-за этого он извинялся перед нами. Мы вымыли купленные моим товарищем груши, чем окончательно расстроили Арслан-бея:

– Знай я, что эти фрукты будут съедены в моем доме, я не позволил бы вам их купить. Вы поставили меня в неловкое положение.

В какой-то момент с улицы послышался крик продавца кож.

– Мне не на что покупать, – произнес Арслан-бей и, обращаясь к моему товарищу, продолжил: – Будь у меня хоть немного денег, я бы съездил в Кагызман, купил овощей и фруктов и привез сюда. Продав их, я бы извлек какую-то выгоду.

Похоже, Арслан-бей в завуалированной форме просил у нас денег.

По его словам, из-за отсутствия сена ему придется избавиться от 5–10 голов крупного и мелкого рогатого скота, чтобы как-то свести концы с концами. Кроме того, он возит из леса и продает дрова.

Выходя из дома, мы встретили высокую светловолосую девушку. Другая девушка сидела перед дверью. Парень в шляпе и брюках городского покроя рубил дрова. За его спиной прогуливалась еще одна девушка.

Около часа мы побродили по окрестным горам. Вдали, у ручья среди сосен, виднелась какая-то компания. Нам сказали, что каждое воскресенье сюда приходят люди вместе с детьми, устраивают в тени деревьев пикник и развлекаются.

По возвращении мы заглянули в дом к Поладу. Во время беседы он рассказал нам о своей жизни:

– В конце концов мы поселились здесь, построили за селом дом. Когда англичане заняли эти места²⁵, они приказали всем отправиться на свою родину, и мы вернулись на Кавказ. Но после большевистской революции вновь переселились сюда²⁶. Тогда я привез с собой 500 человек²⁷. Они были расселены в разных местах. Лишь я остался без земли. Тогда я жил в Селиме²⁸, где у меня был магазин. Потом перебрался сюда. Построили дом. У меня один сын. Учится на последнем курсе педагогического училища.

Полад недоволен своим материальным положением:

– В этом году я ни поле не смог засеять, ни скота у меня нет. Не знаю, что с нами станет. Живем вдвоем с женой-старухой. Бедствуем. Я сделал много добра людям, но на старости лет оказался никому не нужен.

Коснулся он и войны с армянами:

– Когда армяне захватили эти места²⁹, они часто нападали на наше село. Здесь у нас находились пленные³⁰. Вместе с ними мы отбивали атаки, защищая себя. Однажды ночью армяне залегли в лугах со стороны дороги, собираясь напасть на нас. Как раз в это время подошла наша армия и создала штаб в Алисофу. Мы зарезали барана в честь командиров и сообщили им, что ночью армяне готовят нападение. Войска нанесли по ним такой удар, что враг только в Гюмри смог перевести дыхание. Так мы спаслись. В то время здесь не было других обитаемых сел, кроме нашего.

Потом он рассказал о зияретах:

– Зияреты – очень хорошие места. Когда у кого-то есть какое-то желание, оно осуществляется, если он посетит зиярет. Если больной ска-

²² Кагызман – город и округ в провинции Карс к востоку от Сарыкамыша.

²³ То есть в 1860/61 г. по григорианскому календарю.

²⁴ Зиярет (от араб. зияра «посещение») – в мусульманстве паломничество к святым местам (могилам пророков, святых, шейхов, имамов и т. п.), а также обозначение самих этих мест.

²⁵ Английские войска заняли Карсскую область в апреле 1919 г., но вскоре передали ее под контроль дашнакской Армении.

²⁶ Под большевистской революцией здесь явно понимается не переворот 1917 г., а окончательное утверждение советской власти на Северном Кавказе в начале 1920-х гг.

²⁷ Речь идет о выходцах из осетинских сел Сарыкамыша, перебравшихся на разных этапах Первой мировой войны в Осетию. Их возвращение в Турцию состоялось в соответствии со специальным советско-турецким соглашением в конце 1922 г. [10, с. 303–306].

²⁸ Селим – село недалеко от Сарыкамыша в провинции Карс, где в конце 1922 г. турецкие власти разместили часть вернувшихся из России осетин вместо ранее проживавших там русских молокан, уехавших в СССР [10, с. 304–306].

²⁹ Район Сарыкамыша находился под контролем Армении с апреля 1919 до сентября 1920 г., когда был занят войсками кемалистов в ходе армяно-турецкой войны.

³⁰ Имеются в виду турецкие военные, попавшие во время Первой мировой войны в плен к русским, а после ухода русской армии в 1918г. оставшиеся в регионе.

жет: «Выздоровев, я принесу жертву зиярету», его желание исполнится. Тяжелобольных привозят туда, и они выздоравливают. Во время войны с Россией, когда наша армия проходила через те места, командир увидел, что на штыках солдат появилось сияние. К утру же, когда они спускались с холмов вниз, свет на штыках стал тускнеть и погас. Вот такие это благословенные места. Раз в год, перед началом сенокоса, со всех сторон собирается народ и поднимается к зияретам. После этого посетителей там бывает мало.

Заслуживают внимания мысли Полада о будущем:

– Хотели бы мы, чтобы Кавказ был взят, чтобы Баку и другие тамошние края стали нашими. Там много природных богатств. Если они перейдут в наши руки, наша страна быстро разбогатеет.

Разговор вновь коснулся революции:

– В период русской революции мы находились здесь. Они разделились на правых и левых и убивали друг друга. Однажды и меня спросили: «Ты за правых или левых?» Я не знал, к какой стороне принадлежат спрашивающие, и сказал наугад, что за правых. Оказывается, они тоже были из правых. «А, ну тогда ты наш!» – ответили они и поехали дальше. Это было время, когда солдат запросто подходил к генералу и просил его дать прикурить. Генерал отвечал: «Пожалуйста!» и протягивал свою сигарету...

Полад жалуется на плохое самочувствие. В прошлом голу во время сенокоса с ним что-то случилось, и после этого ему стало трудно ходить. Болит у него и сердце. Из-за этого они не смогли засеять свое поле. Он упомянул о пенсии, но ее недостаточно. В следующем году его сын должен окончить училище и стать преподавателем. Все их надежды связаны с этим.

Мы просидели довольно долго.

На обратном пути нам встретилась девушка, которую мы видели раньше. Как сказал мне мой товарищ, девушки здесь говорят так:

– Если мы не будем заниматься рукоделием, кто нас возьмет замуж? Таких сельских девушек, как мы, берут только благодаря их искусству в рукоделии.

Мы заглянули в бакалейную лавку. Хозяин соорудил прилавок прямо у входа в дом. В продаже раки³¹, сигареты, лекарства, различные бакалейные товары. Торговлю ведет ребенок.

Село Алисофу, 27 сентября 1941 г. [4, с. 443–449]

Вместе с моим товарищем Бахри я отправилась на прогулку в Алисофу. Погода была дождливая;

дул резкий пронизывающий ветер.

Вдали показались две женщины, но, заметив нас, повернули назад в село.

У самого села мы подверглись атаке собак. Бросили в них камень, и стая тут же разбежалась.

Почти все дома построены из тесаного камня и извести и имеют земляные крыши. Внешне они выглядят неплохо, но вблизи можно заметить, что фасады недостаточно чисты. У входов в дома установлены стога сена.

Алисофу было заселено после отступления армян. Раньше здесь жили греки. Сейчас часть жителей составляют ереванские переселенцы, а часть – переселенцы из близлежащих [осетинских] сел. Первых здесь называют «мухаджирами», а вторых – «местными»³². Между этими двумя группами существует взаимная неприязнь. Бывают случаи нанесения ущерба друг другу. Жандармерия и органы власти не в состоянии положить этому конец. В селе имеется один охранник, который несет службу лишь днем. Говорят, что ему будет выделен помощник для ночных дежурств.

Очень часты пожары, жертвой которых становятся запасы сена и соломы. Поговаривают, что это результат поджогов. Последний такой случай произошел совсем недавно.

Уборка хлеба и сенокос в селе уже завершены. Сейчас жители заняты заготовкой дров в лесу. Скот частично отправят на зимовку в Хыныс, частично пустят под нож. Хотя поблизости есть зимние пастбища, их недостаточно для всего имеющегося в селе поголовья.

Большая часть сельчан спасается от холодного ветра, отсиживаясь в своих домах. Некоторые пытаются защититься от него снаружи, укрывшись за заборами и стенами домов и беседуя друг с другом, чтобы скоротать время. Кое-где видны группы детей...

Мы направились к дому Тахир-бея, где собирались гостить. Дом невысок, но побелен снаружи и имеет довольно аккуратный вид, чем выделяется на общем фоне.

У дверей нас встретили какой-то мужчина и худощавый высокий подросток 13–14 лет, в поведении которого наблюдалась некоторая медлительность.

Мы вошли в дом. В освещенной газовой лампой комнате находятся четыре полных набора постельных принадлежностей, сложенных в ряд в соответствии с их качеством. Они должны предоставляться гостям в зависимости от их авторитетности и положения в обществе. На подоконниках стоят горшки с цветами, привезенные из Селима. В большинстве из посещенных мной до сих пор сел я не видел ничего подобного. Земляной пол также украшен водяными узорами в виде цветов.

³¹ Раки – анисовая водка.

³² «Мухаджир» по-арабски и по-турецки означает «переселенец». Как следует из данного повествования, прибывшие в регион в середине предыдущего века осетины, именовавшиеся первоначально мухаджирами, к описываемому времени воспринимались уже как местные жители.

Какое-то время мы побеседовали с человеком Тахир-бей, который рассказал нам о проблемах села. Зима вот-вот вступит в свои права, но скот не обеспечен кормом. В Хынысе у нашего собеседника живет тесть, к которому он намерен отправить своих коров и овец. Летом он послал тестю 40 лир на заготовку сена, даст денег и на приобретение соли. Других расходов, как он полагает, делать не придется.

Вскоре пришел Тахир-бей, которому сообщили о нашем визите. Он приветствовал нас с радушием, несшим на себе следы прежней традиции гостеприимства.

Тахир-бей – один из самых влиятельных жителей села. Это человек лет 50, среднего роста, несколько полноватый, веселый и словоохотливый. Он весьма состоятелен. Раньше он был сельским старостой, но затем оставил эту должность.

Мы говорим о рамазане. В селе имеется мулла из Хыныса, однако ввиду отсутствия мечети намаз здесь никто не делает. К тому же у муллы нет часов, чтобы определять время намаза. По этой причине Тахир-бей как-то сказал ему: «Я с таким же успехом мог бы называться муллой, что и ты». По словам Тахир-бея, в Трабзоне открылась школа по изучению Корана, где сейчас для села готовится мулла.

К этому времени встретивший нас человек Тахир-бея ушел. Маленькая дочь хозяина подала нам чай.

У Тахир-бея пятеро сыновей. Один из них проучился год в средней школе, но не смог сдать экзамен и остался на второй год. Другие учатся пока в начальной школе. Весь прошлый год Тахир-бей снимал двухкомнатный дом в Сарыкамыше, где жил вместе с женой, чтобы дети могли посещать школу. Однако в этом году такой возможности пока нет, поскольку в селе слишком много дел. И все-таки Тахир-бей планирует попозже вновь снять жилье в Сарыкамыше.

Мальчик все это время молча стоял у дверей, односложно отвечая на мои вопросы. Чувствовалось, что ребенок тих и застенчив. Возможно, он вел себя так в присутствии отца из уважения к нему. Каждый раз, когда Тахир-бей входил в комнату или выходил из нее, все находившиеся в ней вставали на ноги. Вероятно, на мальчика оказывала влияние эта атмосфера. Мне вспомнился ребенок из Боялы³³; в присутствии отца он вел себя совершенно свободно, непринужденно разговаривая со всеми присутствующими.

Погода окончательно испортилась. Пошел дождь. Пушечный выстрел возвестил о наступлении времени ифтар³⁴. Мы сели за стол, на котором предварительно была растелена газета.

Ужин состоял из яичницы с луком и зеленью, солений и очень вкусного белого сыра, изготавлива-

емого местными женщинами. Кроме того, как обычно, был подан чай.

В здешних селах существуют устоявшиеся традиции гостеприимства. После ужина принято приятно проводить время в беседах, вспоминая о прошлом, рассказывая различные случаи и истории. Мы тоже так поступили, хотя говорил в основном Тахир-бей.

Сперва затронули тему гостей и гостеприимства. Тахир-бей сообщил, что во время маневров паша³⁵ обычно наносит ему визит, чтобы отдохнуть, выпить айран, подкрепиться. Есть у него еще один друг среди военных, лейтенант. Раз в неделю, направляясь в Сарыкамыш, он заглядывает к Тахир-бею, ночует здесь, а утром отправляется дальше.

Затем Тахир-бей рассказал несколько анекдотических историй на тему приема гостей. Одна из них такова. К какому-то человеку зимним вечером приходит гость. Хозяин проводит его в довольно холодную гостиную и говорит: «Посиди немного здесь, я скоро приду». Гость всю ночь проводит там без еды и воды. Утром появляется хозяин и, увидев его, начинает в отчаянии восклицать: «Ах, я совсем забыл про тебя! Будь я проклят!...» После чего добавляет: «Посидел бы ты здесь еще чуть-чуть! А я схожу к соседям на похороны и быстро вернусь». Гость, однако, не соглашается остаться и выражает желание тоже пойти на похороны. Как ни старается хозяин отговорить гостя, тот настаивает на своем, и они отправляются вместе. При выносе покойника какая-то женщина начинает оплакивать его следующим образом: «О, идущий в темное место! О, идущий в холодное место! О, идущий в голодное место!» Услышав эти причитания, гость обращается к хозяину с вопросом: «Покойника несут в ваш дом?» «Почему?» – изумленно спрашивает хозяин. «Да потому, что именно такой я нашел комнату, в которой вчера просидел всю ночь».

Разговор перешел на похоронные традиции.

В доме усопшего остаются лишь его родственники. Остальные приходят лишь для того, чтобы выразить соболезнование, помолиться и уйти обратно; оставаться на ночь считается неприличным.

Весть о чьей-либо смерти сообщается через специально снаряжаемого всадника. Он должен спешиваться с левой стороны лошади и держать плет в левой руке. Хвост лошади должен быть распущен. Этот посыльный должен ехать не медленным шагом, а скакать рысью.

В течение семи дней в дом усопшего от каждого из соседних домов посылаются еда и столько же дней читается Коран. На седьмой день семья усопшего раздает соседям хлеб, режется какое-нибудь животное, созываются все соседи, едят, затем

³³ Боялы – турецкое село в округе Сарыкамыш.

³⁴ Ифтар – вечерняя трапеза в дни рамазана.

³⁵ Паша – генерал.

расходятся. На сороковой день и по прошествии года также устраиваются поминальные угощения. В период рамазана в ночь на пятницу в мечеть направляется большое блюдо с угощением.

В прежние времена, когда умирал какой-нибудь видный человек, его родственники, если они обладали достаточными материальными возможностями, устраивали в честь покойного скачки, участвовать в которых приглашались также лучшие всадники и лошади из Хамамлы и Бозата. Маршрут скачек обычно пролегал между этими тремя селами, и каждое село старалось поддержать своих представителей. Бывало, лошадей загоняли на смерть, но это считалось грехом. Победивший на скачках получал в качестве приза красивое седло и рубаху; занявшему второе место доставался баран. Раздавались также другие подарки. За пришедшей первой лошадей старалось ухаживать все село. Сегодня эта традиция исчезла. Да и лошадей не берегут так, как в прежние дни.

По словам Тахир-бея, помимо скачек, раньше каждую пятницу после намаза молодежь устраивала джигитовки, демонстрируя и совершенствуя искусство верховой езды и стрельбы в цель на скаку. Старики наблюдали за этим. Эти традиции тоже уходят в прошлое.

Речь зашла о годах оккупации. Тахир-бей сообщил такой интересный факт:

– При русских мы свободно могли носить оружие – кинжалы, ружья. Никому, кроме нас, этого не разрешали. Правда, ружья можно было носить лишь внутри села, но не за его пределами. У всех на поясах висели кинжалы и пистолеты.

Тахир-бей недоволен непониманием и разногласиями между поколениями:

– Раньше, если у нас происходила драка или членовредительство, конфликт улаживался нашими же стариками. Если кто-то обращался к властям, те его отправляли обратно со словами: «В таких вопросах вы сами разбирайтесь!» Сейчас стариков называют отсталыми. Да и не осталось уже почти в живых прежних уважаемых стариков – умирают один за другим. Взять хотя бы деда нашего Мурада. Даже когда приезжал губернатор, он не вставал перед ним на ноги. Настолько они были богаты. В доме у них проживал офицер, они поставляли русским лошадей. Однако затем из-за того, что его брат служил офицером в турецкой армии, русские сослали их всех в глубь России. Когда же в России произошла революция, они вновь получили свободу и вернулись сюда. Где теперь такие старики?! От каждого их слова, каждого жеста исходило величие и мудрость. Сейчас больше никого не осталось.

Тахир-бей продолжает рассказывать о преимуществах старых времен:

– Если в селе кто-то умирал, там целый год не играли на гармонии, не устраивали свадеб и торжеств, все соседи сплывались, как единая семья. Из солидарности так же поступали и другие села.

А теперь что? Если в одном доме похороны, в соседнем уже на следующий день играет музыка.

Разговор коснулся манеры одеваться. Сравнивая современную простую одежду с традиционной, Тахир-бей критически отозвался о первой:

– Раньше, если бы кто-то вышел на улицу в такой одежде, как сегодня, народ умер бы со смеху. Прежний костюм дополняли и украшали папаха, архалук, пояс. С исчезновением прежней одежды отпала необходимость и в этих деталях. Старинный пояс не подходит к современной одежде. Сейчас можно выходить на улицу в каком угодно костюме. Одеваться стало проще.

Очередь в разговоре дошла до народных песен, и Тахир-бей сказал:

– У нас существуют только песни о героях и абреках. Песен о любви к девушкам нет.

О брачных делах Тахир-бей сообщил следующее:

– При русской власти мы все, чтобы жениться, отправлялись на Кавказ и привозили оттуда невест. Здесь все девушки доводились нам родней. Даже если женишься на какой-нибудь из здешних, к ее сестре уже никто из твоих близких родственников свататься не сможет. Сейчас мы все перемешались. Были даже случаи женитьбы на дочерях дядей. Если бы об этом узнали наши родственники на Кавказе, прокляли бы нас. Во времена русских тамошний народ часто приезжал сюда. Однажды забрали отсюда тысячу овец, но здешние овцы не смогли там прижиться, все пали...

Село Алисофу, 28 сентября 1941 г. [4, с. 452–453]

Мы проснулись в 6.00. Тахир-бей к этому времени уже давно был на ногах. Через заледеневшее окно нашей комнаты было видно, как его дочь то входит в дом, то выходит наружу.

Чтобы дать хозяевам знать, что мы проснулись, мой товарищ взял лежавшую рядом гармонику и начал на ней играть. Звуки были сразу же услышаны, и нам принесли старинный таз и кувшин с водой, чтобы мы могли умыться. Вскоре появился и Тахир-бей.

Нам было видно, как молодая девушка со щеткой в руках прибирала соседнюю комнату. В расположенной между двумя комнатами входной части дома земляной пол был вычищен и украшен водяными узорами в виде цветов. Такое я уже видел в Хамамлы. Похоже, что нанесение на пол с помощью воды изображений цветов является предметом увлечения здешних девушек. Многие из них до сих пор в этом искусстве немалого мастерства, и, если смотреть на пол, перед глазами представляется ласкающая взор картина. В то же время это показатель того, сколь важное значение здесь придают эстетическому воспитанию девочек.

Мы сели завтракать. На столе были сыр, хлеб и чай.

Около 9.00 мы попрощались с хозяевами и отправились в путь.

Из труб на крышах домов валил дым. На улицах почти никого не было видно. Все сидели по домам, кроме нескольких женщин, подметавших у своих порогов.

Было очень холодно, дул ветер. На вершинах

хребта Аллахуэкбер выпал снег.

Мы оставили позади Алисофу и направились в Бозат...

Перевод с турецкого языка и примечания Г.В. Чочиева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чочиев Г.В. Брачно-свадебная обрядность сарыкамышских осетин глазами турецкого этнографа (1-я половина XX в.) // Вестник Владикавказского научного центра. 2022. Т. 22. № 4. С. 57–61.
2. Aydemir İ. Türkiye Çerkesleri // Kafkasya. 1975. № 47. С. 39–48.
3. Ethnic Groups in the Republic of Turkey. Ed. by P.A. Andrews. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989. 659 с.
4. Kazmaz S. Sarıkamış'ta Köy Gezileri. – Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, 1995. 594 с.
5. Bjeduđ M., Taymaz E. "Sürgün" Halk Çerkesler // Birikim. 1995. № 71–72. С. 118–124.
6. Чочиев Г.В. Осетины на Ближнем Востоке: поселение, адаптация, этносоциальная эволюция (краткий очерк) //

- Известия СОИГСИ. 2010. № 4(43). С. 48–66.
7. Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859–1865) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1948. Т. XIII. Вып. I. С. 24–46.
 8. Хелмицкий П.Л. Карсская область. Военно-статистический и географический обзор. Ч. 2. Отд. 2–3. – Тифлис: Отд. Ген. шт. Кавк. воен. округа, 1893. 81+187 с.
 9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. LXIV. Карсская область. Темр. 2. – СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1904. 140 с.
 10. Kubat T. Muhacirin Hicrandır Ömrünün Yarısı. – Ankara: KAFDAV, 2005. 362 с.

REFERENCES

1. Chochiev G.V. Brachno-svadebnaya obryadnost' sarykamyskikh osetin glazami turetskogo etnografa (1-ya polovina XX v.) // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. 2022. Vol. 22. No 4. P. 57–61.
2. Aydemir İ. Türkiye Çerkesleri // Kafkasya. 1975. No 47. P. 39–48.
3. Ethnic Groups in the Republic of Turkey. Ed. by P.A. Andrews. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989. 659 p.
4. Kazmaz S. Sarıkamış'ta Köy Gezileri. – Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, 1995. 594 p.
5. Bjeduđ M., Taymaz E. "Sürgün" Halk Çerkesler // Birikim. 1995. No 71–72. P. 118–124.
6. Chochiev G.V. Osetiny na Blizhnem Vostoke: poselenie, adaptatsiya, etnosotsial'naya evolyutsiya (kratkii ocherk) // Izvestiya SOIGSI. 2010. No 4(43). P. 48–66.
7. Totoev M.S. K voprosu o pereselenii osetin v Turtsiyu (1859–1865) // Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. 1948. Vol. XIII. Issue I. P. 24–46.
8. Khelimitskii P.L. Karsskaya oblast'. Voenno-statisticheskii i geograficheskii obzor. Part 2. Sec. 2–3. – Tiflis: General Staff of the Caucasian Military District, 1893. 81+187 p.
9. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. Ed. by N.A. Troinitskii. Issue LXIV. Karsskaya oblast'. Part 2. – Saint Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 140 p.
10. Kubat T. Muhacirin Hicrandır Ömrünün Yarısı. – Ankara: KAFDAV, 2005. 362 p.

